

Получив многочисленные свидетельства от осужденных и их родственников о тяжелейших условиях политзаключенных Холмогорского лагеря под Архангельском, Е. П. Пешкова обратилась в ВЧК с ходатайством о ревизии, а также допущении уполномоченного ПКК в лагерь для оказания материальной и юридической помощи заключенным.

<14 декабря 1921>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЧК

СЕКРЕТНО

Со слов освобожденных заключенных и их родных, до сведения Политического Красного Креста дошли акты, свидетельствующие о крайне тяжелом, поистине кошмарном положении политических заключенных в Холмогорском концентрационном лагере Архангельской губ. Эти факты настолько невероятно ужасны, что поневоле внушают недоверчивое к ним отношение, но, с другой стороны, имеющие объективные данные статистического характера не оставляют места для такого недоверия.

В виду этого, Политический Красный Крест считает необходимым довести до сведения ВЧК об этих фактах в уверенности, что со стороны ВЧК будут приняты срочные меры к проверке приводимых данных и устранению тех явлений, которые по расследовании окажутся твердо установленными.

В Холмогорском лагере заболеваемость и смертность приняла огромные, ужасающие размеры. В мае умерло 12 чел, в июне — 20, в июле — 30, в августе — 80, в сентябре — 110, в октябре — 190. Обращаясь к причинам этой, все прогрессирующей смертности необходимо указать, что ее нельзя отнести за счет тифозной эпидемии, от которой заболело 800 человек, а умерло всего 22. В октябре из 190 умерших — 110 умерло от дизентерии, 80 — от истощения. Таким образом, совершенно ясно, что если истощение будет прогрессировать так, как оно шло до сего времени, то из 600 заключенных через несколько месяцев не останется в живых ни одного, и содержание в лагере в таких условиях обращается в медленное и мучительное умирание.

К характеристике врачебной помощи в лагере родные заключенных обращают внимание на то, что она подневольна, так как ее оказывают не свободные и независимые от администрации лагеря врачи, а представители медицинского персонала из числа заключенных, стоящих в полной зависимости и полном подчинении у коменданта. Последний не разрешает признавать больными больше известного количества обращающихся за врачебной помощью, и за послушание этому распоряжению наказывают карцером.

Истощение заключенных, влекущее за собой сплошное вымирание, обуславливается, по мнению родных, переносимым ими голодом. Питание заключенных состоит из 1 ф<унта> хлеба в день и дважды в день дается похлебка из мороженой картошки. Заключенные настолько изголодались, что, когда им дают сырой картофель, набрасываются на него и едят, в результате чего развиваются желудочные заболевания. Снабжение лагеря продовольствием проходит при более чем странном отношении к этому вопросу со стороны администрации: так родственники заключенных утверждают, что администрация систематически выбирает из передач родственников все жиры, которые и не доходят до заключенных. Точно также при лагере имеется ферма из 17 коров, продукты коей в своей большей части не доходят до заключенных. Наконец, присланная из Америки для улучшения питания заключенных передача могла серьезно улучшить питание, но и она лишь в очень незначительной степени

достается заключенным.

Другим бичом заключенных является холод. Лагерь расположен на северной окраине России, вблизи северного Полярного круга, в местности по реке Двине, отличающейся суровым климатом и северными ветрами. Между тем, заключенные лишены теплого платья, и представляется совершенно непонятным, что при поступлении в лагерь администрация, по словам родственников заключенных, беспощадно отбирает все теплые вещи под предлогом, что они являются лишними, и большинство заключенных ходят буквально в лохмотьях.

Обращение администрации с заключенными — очень грубое. Администрация безконтрольно распоряжается судьбою заключенных. Карцер и рукоприкладство составляют обычное явление; при таких обстоятельствах даже странным представляется отмечать такую мелочь, как обращение на "ты", недопустимо унижительное со стороны администрации. Помимо карцера, как место наказания, существует, так называемый "Белый дом", расположенный вне лагеря, куда направляются по усмотрению администрации заключенные; условия содержания в этом доме, по словам заключенных, поистине кошмарны: население небольшой комнаты достигает порою 50-ти человек, помещение не отапливается, в комнате страшная стужа, и живут там заключенные в самых антисанитарных условиях, причем, срок содержания там доходит до месяца и больше. Угроза помещением в "Белый дом" приводит заключенных в панический ужас. Заключенные зачастую не выдерживают тяжелых условий содержания в "Белом доме" и, по словам родственников, заболевают психическим расстройством. В отношении к женщинам обращение является более мягким, но в то же время эта мягкость переходит границы, когда лица из администрации позволяют себе наиболее красивых или привлекающих их внимание женщин вызывать в ночное время на свои квартиры, якобы, для "уборки" их. Под страхом кары, лишены всякой защиты права, женщины не смеют противиться прихотям "начальства".

Во главе лагеря стоит комендант, в данное время САКНИТ, помощники и надзиратели назначаются из числа заключенных. Ясно, что их подневольное положение заставляет их быть особенно рьяными в отношении заключенных. С назначением САКНИТА, по словам родственников заключенных, прекратились расстрелы, как крайняя мера наказания, особенно жестоко и часто применявшаяся будто бы, по словам заключенных, его предшественником БАЧУЛИСОМ, о жестокости которого буквально ходят легенды. В настоящее время БАЧУЛИС, по слухам, поставлен во главе лагеря в Пертоминске, на 100 верст севернее Архангельска, где, по сведениям родственников заключенных, им введены те же жестокие порядки, какие существовали при нем в Холмогорском лагере. Среди заключенных Холмогорского лагеря одно упоминание о возможности перевода в Пертоминск вызывает панический ужас, как явное обречение на гибель. Тяжесть положения заключенных усугубляется отдаленностью их от родственников, а также от органов центральной власти, до сведения которой они могли бы донести о том, что им представляется нарушением их прав, так как подача подобного рода заявлений, по их мнению, может повлечь за собою репрессии со стороны местной администрации. В результате всех этих тяжелых, моральных и физических переживаний забитость и пришибленность заключенных доходит до крайних пределов и дает не один случай тяжелых психических заболеваний.

Политический Красный Крест, воздерживаясь от изложения легенд, в изобилии циркулирующих вокруг Холмогорского лагеря, полагает, что и сказанного выше достаточно для того, чтобы утверждать, что при

отдаленности лагеря от центра и от надзора центральной власти, в нем могли свить гнездо совершенно недопустимые порядки, требующие расследования, а при установлении — и устранения.

В виду этого, Политический Красный Крест ходатайствует о том, чтобы: 1) были приняты меры к всестороннему обревизированию лагеря со стороны ВЧК и расследованию всего изложенного выше; 2) уполномоченный Красного Креста был допущен в лагерь для оказания материальной и юридической помощи заключенным, причем Красный Крест просит визировать его мандат на поездку в Холмогорский лагерь.

Независимо от этого, имея в виду возможность давления со стороны администрации на заключенных и забитость последних, представляется необходимым устранение, хотя бы временное, всей администрации на время производства расследования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
СЕКРЕТАРЬ»¹.

<1921>

«Холмогорский лагерь.

1) Смертность: в 21 г<оду> умерло 12 человек, в июне — 20, в июле — 30, в августе — 80, в сентябре — 110, в октябре — 190: 110 от дизентерии и 80 от истощения.

2) Подневольная медицинская помощь: медицинский персонал из числа заключенных. Не разрешается признавать больными больше известного количества обращающихся за врачебной помощью и за послушание этому распоряжению наказывают карцером.

3) Недостаточность питания, отсутствие жиров, каковые выбираются из присылаемых передач. Заготовленное значительное количество капусты было употреблено на корм 17 коров. Наряду со скудным питанием заключенных питание администрации почти изысканно.

4) Холод. Отбирание у всех заключенных теплых вещей, каковые сдаются в цейхгауз и зачастую выдаются по ордерам администрации. Заключенные, отправляемые за много верст привезти на себе тяжести, не снабжаются теплыми вещами и ходят почти в лохмотьях. В частности, теплые вещи, полученные для заключенного студента-медика из Петрограда ЯКОБСОНА, не были ему переданы даже при освобождении.

5) Обращение администрации с заключенными крайне грубое, на "ты", ругань, избиение.

6) "Белый дом" как место наказания, расположенный вне лагеря. Нетопленное помещение, без медицинской помощи и даже, как говорят, без кипятка. В результате сидения, часты случаи лишения рассудка, что имело место в отношении двух студентов-медиков из Петрограда ЯКОБСОНА и ШТРИТЕРА, уже освобожденных.

7) Низший персонал администрации из заключенных крайне жесток, как на яркий пример жестокости, указывают на Свешникова и на Окрена.

8) С назначением Сакнита тяжелые меры наказания, применяемые Бачулисом, ослабли.

9) Деление при Бачулисе заключенных на десятки с дисциплинарной ответственностью за проступок одного.

Лагерь в Холмогорах организован в мае 1921 года, переведен из Соловков. До декабря в нем пребывало до 3000 человек, в данное время в Холмогорах 2600 человек в 4 отделениях, в районе 40 в<ерсты> — 1200 человек.

Помещается в бывшем монастыре: помещение хорошее и теплое.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 8. С. 56. Машинопись.

До мая 21 г<ода> все заключенные, отправляемые в Холмогоры, довозились до деревни Косковой, за 10 в<ерст> до Холмогор, и поголовно расстреливались в роще из пулеметов. Число расстрелянных измеряется тысячами, по слухам, 8000 человек. Комендант лагеря — латыш САКНИТ по назначению, вся администрация из заключенных коммунистов.

Состав заключенных — белые офицеры и крондштадтцы. По строгости и тяжелым условиям лагерь считается первым в России. Заключенные несут принудительные работы, крайне их истощающие. Вследствие сурового климата очень страдают от холода. При поступлении в лагерь беспощадно отбираются под видом лишних все теплые вещи, ходит большинство в лохмотьях. Второй причиной тяжелого положения является голод. Питание состоит из фунта хлеба и два раза супа из мороженой картошки. Передачи и посылки разрешены от родственников.

Жиры из передач систематически отбираются. Люди настолько голодны, что набрасываются на сырой картофель, едят, что попало, отчего масса желудочных заболеваний. Огромная передача из Америки почти не дошла до заключенных, она поедается администрацией, которая вообще живет роскошно. Продукты от 17 коров идут почти исключительно ей.

Заболеваемость и смертность огромны. Смертность: май — 12, июнь — 20, июль — 30, авг<уст> — 80, сент<ябрь> — 110, окт<ябрь> — 190. Итого 442 чел<овек> из 3000 за 6 мес<яцев>.

Тифом болело 800 ч<овек>, смертность 22 ч<овека>. Лазарет на 200 человек не вмещает всех больных, комендант не разрешает врачам признавать больными больше известного количества и заслушивание сажает врачей в карцер.

Отношение администрации очень грубое, обращение на "ты". Комендант и его помощники имеют полную власть над судьбой заключенных, вплоть до расстрела. Карцер и рукоприкладство обычные явления.

К женщинам отношение более мягкое, но в то же время они в полной власти администрации, позволяющей себе вызывать красивых девушек по ночам, якобы, для приборки квартиры, и под страхом кары они за редкими случаями не смеют противиться.

Вообще, в силу своей отдаленности, нравы в лагере чисто крепостнические, и забитость, и запуганность заключенных доходит до крайних пределов.

Особенно жестокий комендант Бачулис переведен в настоящее время в Пертоминск, где, по слухам, условия еще ужаснее, и очень много расстрелов»².

Выдержки из писем

<1921>

«Изголодавшиеся люди набрасывались на все, что попадало под руку, развивались желудочные болезни, и истощенный организм не выдерживал. Тиф проходил благополучно, а затем человек умирал от истощения. В большом помещении бывшей церкви лежали выздоровевшие после тифа. Приходит врач или сестра, и со всех сторон худые, бледные, точно тени, больные скрипят: "жирку бы, жирку нам", — но в аптеке рыбий жир вышел, пустой суп и сырой хлеб не восстанавливают сил, и выздоровевший от тифа угасает от недоедания. Только что больной оправляется от дизентерии, приходит аппетит, и он с жадностью набрасывается на суп, выменивает на табак, на последний паек шесть-семь мисок супа, пожирает их и на утро помирает. Приемный

² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 113. С. 1. Машинопись.

покой, естественно, полон больными, почти все больны, но врач из заключенных же, не смеет их признать больными. Если у него слишком много больных, является комендант, распекает его, ему грозят карцером, и сам комендант отбирает больных. Все выстраиваются в шеренгу, и начинается их осмотр — с руганью обращается: "Да ты разве болен, ведь стоишь на ногах?", — и т<ак> д<алее>. И часть отправляется обратно в камеры. Однажды комендант так распекал больных, велел привести врача. Тот приходит бледный, расстроенный и на окрики коменданта так растерялся, что отдал честь и гаркнул: "Винovat, ваше благородие". До чего надо было дойти, чтобы так забытья. Между тем, его слова рассмешили коменданта, карцера он не дал. Не один случай смерти был на приеме больных. Ежедневно утром подъезжают к больнице дровни, и могильщик при помощи двух студентов стаскивает 5 голых трупов, закрывают их рогожей и везут за город, где безвестных зарывают в яме <...>

Положение женщин, в общем, несколько лучше, но, с другой стороны, им и хуже. Говорить с мужчинами им строго запрещено. Зато администрация имеет над ними полную власть. Кухарки, прачки, прислуга берутся к администрации из числа заключенных, и притом, нередко выбирают интеллигентных женщин, под предлогом уборки квартиры помощники коменданта вызывают к себе девушек, которые им приглянулись, даже в ночное время. Затем эти вызовы учащаются, и любимицы их приходят с полными руками угощений, прекращается их голодовка <...> Отказаться от какой-либо работы, послушаться администрации факт совершенно недопустимый, заключенные настолько запуганы, что безропотно выносят все издевательства и грубости. Бывали случаи различного протеста, одна из таких протестанток, открыто выражавшая свои возмущения, была расстреляна при Бачулисе. Раз пришли требовать к нам девушку-медичку в три часа ночи, она резко отказалась, и что же: ее же товарки стали умолять ее не отказываться, иначе и ей, и им всем будет плохо; два раза за ней приходили, но она отказалась и во второй раз.

И вот, наряду с такими фактами, приходит комендант к больным сестрам милосердия, одна плачет (она не совсем в сознании), что никто не принесет ей на рождение пирога. На другой день комендант предлагает ей слоеный пирог с вареньем. В другой раз он выписал врачу 2 пуда сухарей, узнав, что его семья голодает. Но эти случаи благодетельств на общем фоне еще более жутки. Еще больше чувствуется, что администрация здесь и царь, и бог, хочет благодетельствует, хочет карает, смотря по настроению, а весь лагерь голодный, больной, забитый, теряет всякий человеческий облик и превращается из людей в жалких, забитых рабов»³.

<Декабрь 1921>

«Обращаюсь к Красному Кресту с просьбой сделать все возможное для облегчения положения заключенных в Арх<ангельском> губ<ернском> лагере принуд<ительных> работ в г<ороде> Холмогоры.

Присланная с партией в 84 человека из Петрограда в августе 1921 г<ода>, я провела там три месяца, до половины ноября. Сначала мне пришлось мыть полы и работать на прачечной, но затем, назначенная врачом в лазарет лагеря, встречаясь там с большим количеством заключенных, я убедилась, что суровый и часто жестокий режим, применяемый к ним, совершенно не соответствует роду и тяжести их преступлений <...>

Помещенные в самом лагере в хороших и теплых монастырских

³ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 113. С. 3. Машинопись.

помещениях, но в отделениях в землянках и только отстроенных бараках из сырого леса, летом принужденные работать на озерах по колено в болоте, заменять лошадей при перевозке тяжестей и полевых работах, — заключенные массами заболевают и умирают. Многие, проведя всего несколько месяцев в лагере, теряют работоспособность и становятся непригодными для жизни калеками <...>

Если даже в лазарете умирали главным образом от слабости и истощения, умирали в "Команде выздоравливающих", не в силах оправиться после перенесенных болезней на недостаточном лагерном пайке, то в самом лагере, можно сказать с еще большим основанием, что смертность происходила почти исключительно от истощения: ночью во время сна, на работах постоянно бывали случаи внезапной смерти. Так в октябре умерло в лазарете 110 человек и 80 — в лагере. Бывали дни, когда в покойницкой лежало больше десяти трупов, несмотря на то, что два раза в день четыре могильщика вывозили на тележке или на санках наваленные, как дрова, один на другой, обнаженные, прикрытые только сверху рогожей трупы, и зарывали их возле городского кладбища, отмечая место общих могил колышками <...>

Относительно питания заключенных могу сказать, что они систематически голодают. Фунт хлеба в день и суп-вода, совершенно почти без соли, так как один из двух, полагавшихся золотников соли удерживался для хлеба, в результате чего и суп и хлеб были не солонны. В лазарете питание было немного лучше, но незначительно. Температуриящие больные получали по 100 гр. молока в день, но даже дизентеритникам не варили отдельного супа, а ели они селедочный, щи и мороженную картошку. Рыба попадалась иногда настолько вонючая, что мы собирали щавель и, перед тем, как есть суп, кипятили его со щавелью, что несколько отбивало запах. Люди ели траву, сырой картофель и кормовую свеклу, подбирая их в поле, несмотря на наказание карцером и даже расстрелом на месте (заключенный Кравец убит конвойным в поле в середине сентября). Был случай, когда посадили в карцер несколько человек за то, что нашли у них ободранную собаку, очевидно, убитую ими во время работ вне лагеря <...>.

В лагере имелись американские мясные консервы, топленое сало, белая мука, рис. Все эти продукты шли для надзора и лишь иногда, по воскресеньям и большим праздникам в лагере больным давали суп с мясными консервами. В годовщину октябр<ьской> революции была выдана на 16 человек медперсонала на два дня одна банка консервов. Даже больные дизентерией получали черный хлеб, а белую муку администрация меняла на ржаную у окрестных крестьян. Продукты из передач постоянно пропадали. Напр<имер>, закл<юченная> Дорошевская не получила почти ничего из посланных ей нескольких передач: жиры, какао пропали, доходил хлеб. Бутылку с молоком, с наклеенной этикеткой с ее фамилией, видели у надзир<ательницы> Басовой. Если заключенный находился в карцере, или весь лагерь был наказан без посылок, то все получаемое на имя таких заключенных шло в котел надзора.

Теплые вещи тоже постоянно не доходили до заключенных (случай со студентом Якобсоном, у которого украли теплое пальто, валенки, шапку, еще у одного заключ<енного>, фамилию которого не помню, надзиратель Татаров украл валенки <...>). Летом было распоряжение сдать в цейхгауз сапоги и получить лапти. Часть заключенных постаралась припрятать сапоги, те же, кто сдал свои, осенью уже не получили никаких сапог из цейхгауза, так что с холодами в распоряжении лагерного старосты находился целый ряд людей, не имевших даже тряпок обернуть ноги, которых не посылали на развод <...> Усердие надзирателей

доходило до того, что в одном случае на троих закл<юченных> оставили одну кружку, одну ложку и один котелок. Те написали жалобу коменданту, но несмотря на его резолюцию: "все вернуть, впредь чтобы таких безобразий не повторялось", — вещи возвращены не были. У закл<юченного> Либермана отобрали плед, несмотря на то, что он не имел одеяла, на том основании, что у него есть пальто, и он может им укрываться <...> Кожаные куртки кронштадтских матросов очень скоро появились на надзирателях.

Обращение с заключенными настолько грубое, на "ты", что люди забиты и запуганы до крайности. Бывший комендант Абакумов бил по лицу даже женщин (случай с Розой Гесс). На разводе ежедневно можно видеть, как люди падают от слабости, как надзор и конвойные пинают их ногами и бьют прикладами. Нач<альник> конвоя Назаров ходит всегда с нагайкой, которую постоянно пускает в ход. Не раз на поверке Бачулис, не стесняясь присутствующих женщин, ругал заключенных нецензурными словами. Бачулис отличался, вообще, наибольшей жестокостью. Даже Абакумов, сам человек не мягкий, называл его "Архангельский палач". Он был комендантом лагеря во время массовых расстрелов офицеров летом 20-го года.

Он собственноручно застрелил на глазах у закл<юченных> в первых числах сентября человека, который не мог от слабости работать. Принесенный на носилках в лазарет, в сопровождении Бачулиса, который ударами ноги в бок пытался заставить его встать, заключенный этот был признан врачами больным, несмотря на это, его снова погнали на работу, и как только тот упал, Бачулис пристрелил его. В другом случае, после побега одного заключенного были расстреляны остальные девять его десятка. Затем бежавший был пойман. Его поставили на краю вырытой ямы, и Бачулис стал его ругать площадной бранью за то, что из-за него погубили столько людей. Затем присутствующие Назаров и надзиратель Логинов оглушили его ударом, и упавшего в яму оглушенного человека Бачулис застрелил из револьвера, после чего его закопали, не справившись даже, убит ли он <...> Вообще, круговая порука существует. При приеме нашей партии пом<ощник> ком<енданта> Окрент объявил нам, что все 16 женщин мы отвечаем одна за другую, и в случае побега одной "вы все пойдете на смерть".

В Скиру 28 сент<ября> бежало двое. Их десятки сначала сидели в карцере, затем были направлены в Холмогоры в распоряжение коменданта. Весь лагерь в Скиру был наказан без отпусков в лес за грибами на общий котел, которые составляли значительное подспорье в питании заключенных. 2 или 3 октября на поверке читался рапорт нач<ельника> конв<оя> Назарова коменданту о том, что конвойными его команды, ведшими партию в 10 чел<овек> с озера Седа в Холмогоры, при попытке к бегству двоих расстреляна на месте вся партия. В назидание закл<ючен-ным> это читалось на поверке. Поверка состояла не только из обычного подсчета заключенных, но, кроме того, читалась выписка из приказов о дисциплинарных взысканиях, причем, бывало, что в один день сажали в карцер на $\frac{1}{2}$ ф<унта> хлеба десятки людей. Несмотря на уменьшенный паек, днем они должны были выходить на работу, а после работы шли на ночь в карцер. Затем поверка кончалась пением "Интернационала". Надзиратели смотрели за тем, чтобы все пели и пели достаточно стройно, угрожая карцером. В общем, поверка на воздухе продолжалась больше $\frac{1}{2}$ часа, и в осенние холодные вечера бывала причиной многих заболеваний. Только в ноябре ее стали производить по корпусам <...> Е. Филиппенко»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 8. С. 81. Автограф.

<19 февраля 1922>

«В Красный Политический Крест

Считаю своим нравственным долгом обратиться к Вам с просьбой, довести до сведения нашей Власти о принятии мер против бесчинств, чинимых над заключенными со стороны администрации концентрационных лагерей Архангельской губ<ернии>, для примера Холмогорский лагерь, где я пробыл с сентября по ноябрь включительно 1921 г<ода>.

С первого момента я был ошеломлен диким приемом. Прибыло нас человек 70. Подошли мы к лагерю, большое мрачное здание — бывший монастырь, часов в 12 ночи, после двухчасовой ходьбы с пристани. Остановились у ворот. Впускали по 5 человек, сначала женщин, затем мужчин. Надзиратели во главе с пом<ощником> коменданта Бачулисом и зам<естителем> работами Чичериным производили обыск. У прибывших отнимали вещи, котор<ые> администрация считала лишними. У меня были отняты: пальто, валенки, 3 смены белья и часы, оставили: тулупчик, сапоги и 2 смены белья. У других даже отнимали мыло, сахар, табак <...> Никаких расписок не выдавали, и вещи эти пропадали. Вся эта процедура длилась несколько часов и сопровождалась нецензурной бранью и циничными насмешками.

В лагере нас разместили на чердаке, где мы и прожили первые 2 недели, хотя многие из нас не имели теплой одежды. Жизнь начиналась в лагере с 6-ти часов утра. В 7,5 часов происходил развод на работы, причем выгоняли всех без исключения: босых, больных, лишь бы только душа держалась в теле. Лично я проработал неделю с т<емперату>рой 38,5, так уже врачом был назначен на легкую работу, как то пилка дров, чистка двора. И только, когда все тело покрылось сыпью, меня отправили в госпиталь. Для отправки на работу выстраивали всех на дворе, выделяя группы в 20 и 30 человек. Развод сопровождался нецензурной бранью и побоями, так как истощенные и запуганные люди не так быстро примыкали к рядам. Наоборот, лишних отшвыривали, и те падали на землю. Работали до 6 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед, т<о> е<сть> 9 часов. В 8 часов вечера происходила на дворе общая проверка с пением "Интернационала". Могучие слова этой песни так не гармонировали и дико звучали из уст этих зачумленных, голодных людей. Проверка происходила в течение часа, а то и больше, несмотря на холод и ветер. После проверки все обязаны были ложиться спать, не разрешалось зажигать огня, даже прикурить, и выходить из помещения на двор, несмотря на то, что лагерь был окружен двойной проволокой и усиленным дозором конвоиров.

Кормили плохо: фунт хлеба и суп-водичка, хотя, согласно отпускаемых продуктов, — обед должен был быть хорошим. К тому еще, чтоб легче было администрации недодавать заключ<енным> причитающийся им хлеб, нам выдавали довольно часто свежий, сырой хлеб сразу на 3 дня. Заключенные его съедали сразу, оставаясь <в> остальные дни голодными. Да и безнадежно было его оставлять, так как голодные обкрадывали друг друга. Питались листьями брюквы и капусты. Последнее тоже доставалось с трудом, так как кража каралась сиденьем в карцере. Результатом такого питания явилась большая смертность от дизентерии. Во время работы вне лагеря местные крестьяне подавали иногда заключенным куски хлеба, но надзиратели тот час же отнимали, грозя арестом дающим. Если же случайно удавалось незаметно получить, то это все равно отбиралось, так как при возвращении в лагерь каждого тщательно обыскивали. Администрация, начиная с надзирателей и кончая комендантом, пользовалась всеми удобствами, отобранной одеждой и питались сытно в ущерб заключенным. Административные лица, за исключением коменданта, назначались им же из числа заключенных.

А заключенные, получив теплое местечко и боясь его потерять, всячески издевались над своими же товарищами. Таким образом, лагерь состоял из сытого злого начальства и подчиненных ему голодных раздетых людей. Жутко было находиться среди этих, еле двигающихся теней.

Особенно издевались над заключенными при работах. Работу производили при непрерывном понукании и угрозах старших, а когда измученные, голодные и зачастую больные отказывались продолжать работу, их тут же избивали почти замертво. Так 7-го сентября часовой пристрелил одного заключенного (фамилии не помню) лишь за то, что последний во время работы — разборки кирпичной стены (работа производилась во дворе лагеря) отошел в сторону отдохнуть. На остальных заключенных, уже привыкших к таким картинам, убийство не произвело соответствующего действия, и все молча продолжали работу. Особенно запугивал расстрелами (во время работы) сам Бачулис <...>. В большинстве же случаев работа была непроизводительна и бессмысленная, лишь бы помучить людей в продолжение 9 часов. В то время, как на необходимое не обращали внимание. Так не выкопали своевременно картофель, сгноили его, а не приготовив погребных ям, окончательно сморозили его. Тоже самое с брюквой. И, конечно, благодаря этому, погибло несколько тысяч пудов овощей, которые были заготовлены. Затем, будучи окружены лесами, и имея такой запас рабочих рук, лагерь остался на зиму без дров <...>. Благодаря скученности заключенные спали в коридорах, причем, больные со здоровыми. А иногда утром приходилось просыпаться с трудом, так как люди умирали тут же без всякой медицинской помощи.

В баню почти совсем не ходили, хотя вши заедали нас, ползая целыми гроздьями. Результатом всего этого явился сыпной тиф, уносящий ежедневно вместе с дизентерией многочисленные жертвы. Больных лишь с явными признаками перевозили в лагерный лазарет, где не производилось никакого лечения из-за отсутствия самых необходимых элементарных медикаментов. Больные лежали на голых досках и на полу; медицинский персонал состоял из заключенных, которые даже не имели права, под угрозой карцера освобождать больных, по мнению властей, могущих работать <...>. В правильности всего вышеизложенного расписываюсь. Е. М. Фридберг»⁵.

⁵ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 8. С. 96. Автограф.